

**НАТИГ
РАСУЛЗАДЕ**

СЕДЬМАЯ
НОЧЬ

Натиг Расулзаде

Седьмая ночь

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«К своим пятидесяти годам Эмин М. вдруг осознал, что жизнь его пуста и неинтересна, профессия случайна, успехи незаслуженны, а душа полна обид.

Произошло это озарение (хоть и высокопарно, но иначе не назовешь) и в самом деле вдруг, когда однажды пасмурным осенним утром, под стук капель дождя в оконное стекло ему удалось заглянуть глубоко в себя и за считанные минуты проследить, прокрутить, пробежать всю свою жизнь от малых лет до этого мгновения, когда лежа в постели он стал внезапно задыхаться от пронзившей его мысли о своей никчемности.

С тех пор с ним стали происходить странные вещи...»

Натиг Расулзаде

Седьмая ночь

К своим пятидесяти годам Эмин М. вдруг осознал, что жизнь его пуста и неинтересна, профессия случайна, успехи незаслуженны, а душа полна обид.

Произошло это озарение (хоть и высокопарно, но иначе не назовешь) и в самом деле вдруг, когда однажды пасмурным осенним утром, под стук капель дождя в оконное стекло ему удалось заглянуть глубоко в себя и за считанные минуты проследить, прокрутить, пробежать всю свою жизнь от малых лет до этого мгновения, когда лежа в постели он стал внезапно задыхаться от пронзившей его мысли о своей ничемности.

С тех пор с ним стали происходить странные вещи.

Недавно Эмин М. потерял родителей, сначала умерла мать долго, тяжело болевшая, а через два месяца внезапно скончался от инсульта практически здоровый отец. И Эмин М. остался один. С женой он давно развелся, точнее она настояла на разводе, не имея сил продолжать совместную жизнь с таким... с таким... она не находила слов, когда вынуждена была говорить о нем; сына тогда еще пятилетнего, она забрала к себе, боясь, что отец его тоже воспитает таким... таким... опять же не находила слов – слишком нервничала, внутренне дрожала от ярости, когда вынуждена бы-

ла вспоминать своего бывшего мужа... Новой женой Эмин М. не обзавелся, вторую семью до сих пор не завел, все откладывая на потом и до откладывался до того, что его мать перестала ворчать и пилить Эмина М. по этому поводу, да и самому ему обзаводиться стало ни к чему – слишком многими холостяцкими привычками он оброс к тому времени, а точнее: в преддверие своего юбилея.

Оставшись один и отдохнув несколько дней после тяжелого периода своей жизни, когда смерти родителей последовали одна за другой и кроме относительно спокойно перенесенного горя повлекли за собой множество крайне беспокоящих, суматошных бытовых проблем, каждую из которых следовало решать немедленно, Эмин М. принялся за ремонт давно запущенной квартиры, в которой всю свою жизнь – как сознательную, так и несознательную – обитал вместе с родителями. С родственниками он не был близок и друзей среди родни у него не имелось, братьев и сестер тоже не было, он был единственное чадо у отца с матерью, так что все близкие и дальние к обоюдному удовольствию оставили его в покое. Друзей, точнее – товарищей (он слишком долго прожил на свете, чтобы кого-то назвать другом, – с немалой долей позёрства утверждал Эмин М.) тоже было негусто благодаря необщительному характеру и постоянной какой-то непонятной, почти болезненной отрешенности и самоуглубленности Эмина М. Был только один приятель, с которым он изредка виделся, чтобы сыграть несколько партий в шахматы

или нарды, и который каждый раз старался непредсказуемое количество очков на брошенных костях при игре подвести под математически четко запланированный акт, притягивая за уши игру в нарды к интеллектуальным играм и приравнивая её к шахматам, что изредка ему удавалось; и тогда он торжествовал, произнося избитые фразы про математику и про то, что она царица всех наук, хотя сам не имел никакого отношения к этой царице. От отца оставались деньги и часть их Эмин М. потратил на ремонт, хотя вполне мог бы продолжать жить и в не отремонтированной квартире, потому что будучи дома (а большую часть времени он проводил именно здесь) он как правило лежал на диване, уставившись в потолок и непонятно о чем размышляя, а эта часть потолка, которую обычно охватывал его неподвижный взгляд, была вполне белая и чистая, так что в ремонте квартиры не было большой необходимости. Но Эмин М. руководствовался не необходимостью и не логикой, а больше тем, что придет ему в голову, и часто это были посещения совершенно неожиданных мыслей. Итак, он начал и закончил ремонт, это хлопотное дело, о котором не хотелось в дальнейшем вспоминать, как о пережитом пожаре; но опять же в дальнейшем ничто так не пригождалось для его неподвижного взгляда, как часть потолка, заново побеленного и освеженного. Приходил товарищ играть в нарды, иногда они играли в шахматы, но товарищ ничего не замечал вокруг, ни свежего ремонта, ни запаха краски, ни отполированного паркета под нога-

ми, уткнувшись в шахматную доску и занудливо утверждая, что шахматы тоже, как и игра в нарды основаны на математической науке, и так долго это доказывая, что Эмин М. боялся спорить, чтобы не спровоцировать дополнительный поток красноречия.

Женщина, которую время от времени навещал Эмин М., постоянно пенявшая ему, что за его визитами зорко наблюдают соседи, сорокалетняя, давно разведенная особа, любящая вкусно поесть и посплетничать, по призванию гадалка, называвшая себя экстрасенсом, кажется, в душе была рада смерти родителей своего приятеля, так как ей представлялась возможность прекратить его визиты к ней, и теперь самой наносить эти визиты. Она, между прочим и настояла на том, чтобы дружочек сделал ремонт в квартире, и слабохарактерный Эмин М. пошел на поводу, не умея спорить и возражать и легко устававший от споров.

Вот она опять пришла. Она открыла дверь своим ключом, что вытребовала у него с тайной мыслью когда-нибудь застать его со случайной девкой и устроить скандал. Он же, как всегда не стал спорить и отдал ей запасной ключ.

– Опять валяешься на диване? – равнодушно спросила она и погрозила ему пальцем, как младенцу. – Сколько тебя помню, ты всегда валяешься на диване...

– А сколько ты меня помнишь? – спросил он заинтересованно, не желая утруждать свою память и вспоминать самому.

– Давно, давно. Вставай, пойдем пообедаем в кафе. У тебя, конечно, в холодильнике, как всегда пусто.

После кафе, придя домой, они занимались любовью – акт, тяготивший Эмина М. своим однообразием и полнейшим отсутствием сексуальной фантазии (против чего яростно возражала она, пресекая в корне всякую попытку с его стороны хоть как-то придать большую содержательность совокуплениям); потом она говорила, что неплохо бы им пожениться (Эмин М. молчал), немного подождав и не дождавшись с его стороны никакой реакции, она напоминала, что уже поздно, что пора ей домой и обижалась, если он не отговаривал и не предлагал остаться, одевалась, раздевалась и снова ложилась в постель. И все это происходило, как по давно написанному сценарию. Но порой она задавала неожиданные вопросы, впрочем, малоприятные, как и все остальное, что в последнее время особенно раздражало его.

– Как продвигается твой роман? Хотя как он может продвигаться, когда ты с утра до вечера валяешься на диване... Я гадала недавно, на картах гадала, вышло хорошо, этот роман может тебя прославить... наконец-то... если, конечно, ты его закончишь когда-нибудь...

Тогда он вспоминал, как прятал от нее свои записи на бумаге, на отдельных листочках, на бумажных салфетках (лишний повод для издевок с её стороны), которые готовился переносить на компьютер; вспоминал, как недавно она обнаружила стопку исписанных листов и пришлось сознаваться,

хоть он очень не любил говорить о неоконченных еще вещах, над которыми работал, и теперь для неё это сделалось еще одной темой для обсуждения, а точнее для пустых разговоров и абсурдных советов, учитывая, что она была очень уж далека от его дел и больше двадцати лет проработала медсестрой в поликлинике. И вспомнил также, что уже давно не притрагивался к своим записям, что надо вплотную заняться, что пауза затягивается и грозит перейти в тревожный и опасный творческий кризис. Герой его романа был он сам, но в отличие от своего создателя, от автора, у него была интересная, насыщенная, фантастическая жизнь. С недавних пор, именно, когда стали с ним происходить непонятные вещи, Эмин М. – во сне ли, наяву ли – временами превращался в персонажа своего романа и тогда что-то странное происходило вокруг него и в нем самом, он будто просыпался в чужом теле, сонно ощупывал своё тело, но обнаружив наконец его и признав именно своим по некоторым признакам и отметинам – глубокому шраму с правого боку оставшемуся с детства после автомобильной аварии, куда он попал вместе с отцом, по хронически заложенному носу, вечно шершавым губам – он успокаивался, но тут вдруг начинал ощущать нечто обратное: будто знакомое привычное тело заполнено было чужой душой, незнакомой, очень чужой, пугающей, ужасающей... И он шел во сне, куда душе этой было угодно, куда она вела его, шел весь охваченный тревожным ожиданием непредсказуемого финала. Сюжет тут же выстра-

ивался сам по себе, и это был не тот сюжет, что долгими ночами придумывал он, полностью доверяясь своей фантазии, сюжет, ставший уже немного привычным, обжитым, не пугающим в отличие от того, по которому сейчас, во сне следовало идти. И встречались люди, самые разные, самые неожиданные и давно умершие, которых он видел в детстве, и живущие рядом, по соседству, все они бесцеремонно заселяли его роман не спрашивая хозяина, нагло, без его ведома. А вот незнакомый переулок, темный, ночной... Что он тут делает, зачем он пришел сюда, как тут оказался? Ведь он направлялся на работу, сел в машину, включил мотор, да, это он отчетливо помнил, и еще заранее продумывал, где поближе к работе припаркует её. А теперь... Где машина? Он что, пришел сюда пешком? Сырая стена переулка, на уровне третьего этажа глядело темное окно. Он поднял голову и заметил в черной глубине окна бледное, очень белое человеческое лицо. Кажется, это была девушка. Увидев, что он смотрит вверх, на её окно, она отодвинулась, пропала в темноте комнаты...

– Эй, что с тобой? Почему не отвечаешь? Ты сегодня какой-то странный... сонный... Нет, я пожалуй пойду. Хотела остаться, но теперь я вижу: вряд ли я тебе нужна. Оставайся сегодня один.

И через минуту он услышал стук захлопнувшейся входной двери. И тогда он вернулся в темный переулок с единственным выходящим сюда окном старинного дома на уров-

не третьего этажа; он вновь очутился в темном переулке один на один с чем-то неясным, пугающим, поселившимся в его душе, в его голове, в мозгу и старающимся диктовать ему поступки.

– погоди! – вдруг ворвался неизвестно откуда голос приятеля. – Я еще не обдумал ход. Так мне шах, а вот так...

Он посмотрел вверх на ночное небо, словно голос раздался оттуда, но увидел вновь темное окно, теперь оно было распахнуто, несмотря на то, что резко похолодало, и женщина смотрела прямо на него, будто ждала с его стороны какого-то призыва. Он помахал ей рукой, хотя не хотел этого делать, а хотел как можно быстрее выбраться из этого переулочка, вернуться домой (даже неизвестно было, куда теперь идти, в какую сторону, но он понадеялся на ночное такси) и лечь в постель. Куда ты меня завел? – спросил он, сам не понимая, к кому обращается.

– А посмотри туда, – сказал голос внутри его, постоянно, казалось бы, идущий вразрез его желаниям. – Подними голову.

Эмин М. поднял и увидел, как девушка в окне машет ему рукой, делает знаки, чтобы он подождал, и как тут же она исчезла из окна.

Он переминался с ноги на ногу, чувствуя, что мерзнет. Пошел мелкий снег, сухой колючий, он падал и тут же таял на земле, потому что земля еще не выстыла как следует.

– Еще и снег выдумал, – проворчал голос неизвестного. –

К чему это? Сам в тонкой обуви, мерзнешь...

Эмин М. не обратил внимания на его ворчание, торопливо зашагал к началу тупика, чтобы размять и в самом деле замерзшие ноги, и тут увидел её. Тоненькая девушка с серьезным, слишком взрослым взглядом, делавшим её значительно старше и так не подходившим ей. Она была тепло одета, будто собралась на долгую прогулку, одета по погоде, в теплую шубу а на голове шапка ушанка, в отличие от теперешних молодых людей, зимой и летом ходивших с непокрытой головой. Протянула руку она и Эмин М. взял её за руку и своей замерзшей ладонью почувствовал приятное тепло её руки.

– Ну вот, сообразил, – проворчал сварливый голос. – Зачем она тебе? Ты же лет на тридцать старше. И куда теперь она тебя поведет? Сидел бы уж дома...

Эмин М. и на этот раз не обратил внимание на ворчуна и пожалел что таскает его с собой, или наоборот – тот таскает его с собой, и сейчас, когда появилась эта милая девушка, очень захотелось от него избавиться.

– Что ты от меня хочешь? – сердито прошептал Эмин М. так, чтобы не слышала девушка. – Ты же сам меня привел сюда.

– Я!? Я привел тебя?! Ты слишком хорошо о себе думаешь. Хочешь свести меня с какой-то малолеткой, да еще на меня сваливаешь. Что мне с ней делать? Ей всего-то лет двадцать, если не меньше... Погляди, какая у нас разница в воз-

расте. А кстати, сколько мне лет? Столько же сколько и тебе, ты обычно так пишешь?

– Ну, допустим...

– А помоложе нельзя? Хочется побеситься по-молодому.

– Нечего тебе беситься, иди вот, тебя дама ждет. Ты, между прочим, все еще держишь её руку и молчишь, как бревно.

– Дама... О чем с ней говорить?..

– Найдется о чем. Мне пора. Тут я вас и покину.

– Да, да, возвращайся к своему компьютеру, и оставь меня в покое хотя бы страниц на триста.

– Ого, чего захотел! Хочешь сделаться героем романа?

– Почему бы и нет? Ты только закрути сюжет позаковыристей.

– Нет, романов в угоду моде я не пишу, я не романист.

– И очень даже напрасно. Романисты самые читаемые. И все молодые стараются разродиться именно романом, чтобы прославиться.

– Вот именно – прославиться.

– А что в этом плохого?

– Я не романист, повторяю тебе, я – рассказчик.

– Как Чехов! Хи-хи-хи...

– Я этого не говорил, и нечего хихикать.

– Не говорил, но подумал, знаю я вас, писателей. Ну, ладно, скажи мне спасибо и вали к своей работе.

– За что спасибо?

– За что спасибо?! Ни хрена себе!

– Не ругайся, я вообще-то задумывал тебя культурным человеком. Так за что спасибо?

– Ты меня достал! Не ты ли совсем недавно хныкал на свою судьбу, что жизнь пуста, душа пуста, и что-то там еще пусто... Вот я и заполняю твою жизнь. Что молчишь?

– В какой-то степени ты прав. Но не забывай, я говорю с тобой, примерно так же, как в романе Альберто Моравия «Я и Он» герой говорил... Вспомни, с кем?.. Ну, ну, ты же писатель...

– Ты хочешь сказать, что сравниваешь меня с членом? Ну, ты негодяй! А еще интеллигент... вроде бы. А еще шляпу надел.

– Ну, я пошутил, не сердись... Ты в самом деле прав, что временно заполняешь мою жизнь. И я тебе – то есть – себе благодарен...

– Вот и вали отсюда, раз я прав. Эй, погоди, ты что, так и уйдешь?

– А как мне уходить?

– Ты ведь даже не назвал меня. Как меня зовут? Так же нелепо, как и тебя – Эмин М. А почему, кстати, ты не пишешь полностью фамилию? Хочешь выглядеть оригинальнее, чем ты есть на самом деле? Как дешевые шоумены? Или стесняешься, что фамилия слишком обычна и проста для такой важной личности? А ты поменяй. Ты же литератор. Погляди вокруг, сколько забавных кличек понапридумывали себе наши – то есть – ваши поэты, и носят вместо своих

законных фамилий без зазрения совести...

– Разговорился, однако.

– Надо же отвести душу.

– Ты так ненавидишь меня?

– Признаюсь – ненавижу! Очень даже... И всех вас, писателей и поэтишек ненавижу! Насмотрелись, слава Богу! Не смей делать меня тоже писателем, слышишь!? Ну так, как же ты меня назовешь?

– Хочешь – Мурик?

– Что-то кошачье. Варианты есть?

– Полное имя – Мурад.

– Так бы и говорил. Годится.

– Ну, я пошел. А писателем ты будешь обязательно, потому что лучше всех я изучил их.

– Ну ты и сволочь!

– Не злись... Прощай, писатель, хи-хи-хи, я пошел.

– Скатертью дорога.

– Буду следить за тобой.

– Вот это плохо.

– Но неизбежно. Не попади в историю. В смысле – неприятную историю.

Как только Эмин М. исчез, девушка, все это время молча слушавшая их разговор (и вряд ли что-то слышавшая, судя по выражению её лица), будто ожила, отняла свою руку у Мурада, но тут же сама взяла его под руку и повела из тупика, выходявшего на небольшую площадь, увенчанную ори-

гинально исполненным бюстом известного поэта.

– Вы не замерзли? – спросила она таким заботливым голосом, словно они были давно знакомы.

– Нет, – несколько растерянно ответил Мурад. – А вы? Довольно холодно...

– Я нет. Я только что вышла из дому, еще не успела замерзнуть. Мне даже немного приятен этот морозец после слишком теплой квартиры. Бодрит.

– И куда мы пойдем? Сейчас сколько времени?

Она вытащила из сумочки, посмотрела на свой телефон и сообщила каким-то таинственным голосом:

– Четверть первого.

– А почему шепотом? – спросил он, тоже на всякий случай понизив голос и оглянувшись на безлюдной площади, будто в поисках кого-то подслушивавшего их.

– Потому что я никогда в такое время не выходила из дому, – сказала она доверительно, словно признаваясь в невинной шалости близкому человеку.

Он так и расценил её тон и, немного осмелев, спросил:

– А сколько вам лет?

– Вам сказать правду или прибавить?

– Правду, – попросил он.

– Восемнадцать, – призналась она.

– Когда я вас увидел в окне в том переулке, вы мне показались гораздо старше, – сказал он.

– И что же – разочаровались?

– Нет, – сказал он. – Вы красивая.

– Спасибо, – она вдруг так искренне, так светло улыбнулась, что он на самом деле чуть не поверил, что они давно знакомы.

– А как же сегодня так поздно вас отпустили? – спросил он.

– Они уехали, – сказала она. – Папа и мама. Они вчера уехали на неделю, я осталась одна.

– Ясно, – сказал он и прибавил шутливо. – И вы решили не тратить время зря и гулять с незнакомым, подозрительным мужчиной.

Она рассмеялась.

– Во-первых, я вас давно знаю, – сообщила она загадочно, и он, не понимая, внимательно взглянул на неё чуть дольше, чем до сих пор глядел.

Но её нимало не смутил его изучающий взгляд.

– Пойдем в ту сторону, – сказала она, кивнув головой, указывая направление. – Здесь недалеко есть ночной бар, вполне приличный. Нет, не думайте, я там никогда не была. Просто знаю. Мне надо поговорить с вами.

– Поговорить? – спросил он. – А что мы делали до сих пор?

– Нет, не так, – уточнила она. – Серьезно поговорить. Ведь мы так давно знакомы, а еще ни разу не говорили по душам.

– Так давно... что? – ему показалось, что он ослышался, или же она пошутила.

Он вновь внимательно посмотрел ей в лицо, но никаких признаков улыбки, обычно сопровождавшей шутку, не заметил в её лице. Он боязливо огляделся.

– Скажите, куда я попал, где я?

– Это город, самый центр города. И перестаньте называть меня на «вы». Вот этот бар, что я говорила... Не волнуйтесь, я заплачу, у меня есть деньги...

– Я что, так плохо выгляжу? – спросил он, хотя сейчас волновало его далеко не то, как он выглядит, все было, как в тумане, как во сне, неясно, непонятно, копились вопросы, но не желая выглядеть перед ней занудой, он выбрасывал их из головы один за другим.

– Пойдемте, пойдемте, – торопливо сказала она, как человек, который не может позволить себе тратить время зря. – Мне надо выпить, да и вам бы не мешало – замерзли на морозе. Как вы там очутились? Обычно в этот глухой переулок заходят бомжи, чтобы помочиться вдали от людских глаз. Но мне повезло: вы не бомж, вы порядочный человек, ведь правда?

«Странно, – подумал он, – Только что утверждала, что давно знает... Может, по телевизору видела, или на Фейсбуке?... Э-э, с ней, мозги вывихнешь... девчонка... Что-то сказала...».

– Вы что-то сказали?

– Как вас зовут? – повторила она.

– Мурад, – ответил он.

– Мурад, – отозвалась она, как эхо. – У меня двоюродный брат – Мурад, все зовут его Мурик. Несерьезно звучит, правда? Мне хочется выпить виски. Я как-то пила год назад, и помню, почувствовала себя так хорошо, великолепно, раскованно, язык развязался... мне надо вернуть то состояние, чтобы поговорить с вами...

– Да у вас и без виски язык...

– Да, я знаю, – перебила она торопливо, боясь, что он в свою очередь перебьет её. – Сейчас я немного взвинчена, потому... – но сама осеклась и замолчала.

Бар находился в полуподвальном помещении, был очень уютен, с неожиданным для бара камином с потрескивающими в огне дровами и приятным мягким освещением ласкающих глаз зеленых ламп.

Мурад и девушка спустились с тротуара на четыре ступени и вошли в распахнутую узкую одностворчатую дверь бара. Было тихо, в углу сидела компания из двух девушек в черных вечерних платьях, слишком, может быть, роскошных для такого места, и мужчины в безрукавке поверх желтой рубашки и жокейской шапочке. Когда они вошли и направились к столику в другом конце небольшой комнаты, мужчина поднялся из-за стола и направился к пианино, присел за инструмент и начал тихо играть, будто в честь новобывших. Но он даже не смотрел в их сторону, а девушки, бросив мимолетный взгляд на вошедшую парочку, продолжали пить вино. Одна из них курила сигарету на длинном

мундштуке, другая держала на коленях большую, неопрятную кошку, явно подобранную с улицы. Со стороны пианино послышалась мелодия популярного блюза Скотта Джоплина «Кленовый лист». Мужчина за пианино поначалу приступил к игре робко, словно нащупывая на клавишах необходимые ноты, принаравливаясь к инструменту, пробуя его на готовность, как бы успокаивая его: одолеет ли такую чудную музыку; потом заиграл все увереннее, пальцы его забегали по клавишам бодро и сильно, и музыка лилась, будто давно поселилась в этом старом, но верном инструменте. Потом он поднялся и опять же, даже не глянув в сторону вновь прибывших (создавалось впечатление, что он словно опасается того, чтобы они не приняли его поступок, его игру как приветствие в свой адрес), присел рядом с девушками. Все трое молчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.